This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 4120.240

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

Многоуважаемому
Георгію Карловичу
Нотеу
на
добрую память
отъ
автора

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ

ИСТОРІИ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ,

читанная въ Спб. университетѣ 24 сент. 1897 года.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литогр. А. Э. ВИНЕКЕ, Екатерингофскій пр., № 15.
1899.

Зин. Венгерова.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Прерафаелитское движеніе въ Англіи. Д. Г. Россетти. В. Моррисъ. О. Уайльдъ. Д. Мередитъ. Р. Браунингъ. В. Блэкъ. Французскіе поэты—символисты. П. Верлэнъ. К. Ж. Гюисмансъ. Г. Гауптманъ. Г. Ибсенъ. Вліяніе Данте на современность. Францискъ Ассизскій. Боттичелли.

Цѣна 1 р. 50 к.

Складъ изданія у Н. П. Карбасникова Спб. Литейный, 46.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

ОСНОВНЫЯ ЧЕРТЫ

ИСТОРІИ

НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКІЦЯ,

читанная въ Спб. университетѣ 24 сент. 1897 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литогр. А. Э. Винеке, Екатерингофскій пр., № 15.
1899.

Slav 4120.240

Дозволено цензурою 10 Ноября 1898 г. С.-Петербургъ.

Типо-Литографія А. Э. Винекe, Екатерингофскій пр., № 15.

На нашихъ глазахъ происходило чудесное превращеніе, глубоко умилительное для нашего національнаго самолюбія. Русская литература, которой еще такъ недавно въ западно-европейскихъ руководствахъ отводилось четыре-пять страницъ,—столько же сколько литературѣ румынской и новогреческой,—вдругъ стала возбуждать въ Европѣ удивленіе, близкое къ энтузіазму. Хотя Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь и Грибоѣдовъ уже давно переведены почти на всѣ европейскіе языки, но какъ-то они мало трогали и публику и цѣнителей. Прелесть Пушкинскаго и Лермонтовскаго стиха пропала въ передачѣ, а содержаніе казалось европейскимъ критикамъ подражаніемъ Байрону. Оцѣнить же глубоко-національныя стороны русскаго байронизма, понять насколько въ Онѣгинѣ, напримѣръ, геніально воспроизведены чисто-русскія явленія и теченія, европейская критика, при своемъ полномъ незнакомствѣ съ русской жизнью, конечно, не могла. Еще менѣе могло быть понято ею значеніе Гоголя и Грибоѣдова, съ ихъ воспроизведеніемъ явленій, кажущихся каждому европейцу какою-то грубою и неправдоподобною каррикатурою.

Зато и публика и критика западной Европы въ совершенствѣ поняли и оцѣнили гордость и красу русскаго слова второй половины XIX вѣка—Тургенева. Поразительно, однако, что при всей восторженной внимательности, съ которою Тургеневъ былъ оцѣненъ и изученъ въ Европѣ, это было признаніе чисто-индивидуальное, къ одному Тургеневу относившееся. Никому изъ прозорливѣйшихъ европейскихъ критиковъ не приходило на умъ, что такія снѣговыя вершины литератур-

наго творчества, какъ авторъ „Записокъ Охотника“ и „Дворянскаго Гнѣзда“ не мыслимы на плоской поверхности. Онѣ неизбѣжно должны быть въ связи съ цѣлою горною цѣпью, съ цѣлымъ рядомъ такихъ же горъ. Слѣдовательно, повѣсти и романы Тургенева должны были вырости на глубоко-замѣчательной литературной почвѣ. И только появленіе въ переводѣ „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Преступленія и Наказанія“, „Обломова“ и другихъ русскихъ романовъ подчеркнуло это основное положеніе исторіи литературы. Европейская критика была глубоко удивлена, увидѣвши, что Тургеневъ, котораго она считала лучшимъ прозаикомъ второй половины вѣка, имѣетъ литературныхъ товарищей, не только не уступающихъ ему въ значеніи, но въ лицѣ Толстого и Достоевскаго стоящихъ выше его по глубинѣ захвата. Такое открытіе не могло пройти безслѣдно, и мы, дѣйствительно, видимъ, что въ Европѣ теперь говорятъ уже не объ отдѣльныхъ русскихъ писателяхъ, а о русской *литературѣ*. Сочиненія Толстого расходятся въ международной книжной торговлѣ въ такомъ количествѣ изданій, къ каждому слову великаго русскаго писателя прислушиваются съ такимъ безконечнымъ вниманіемъ, что, въ концѣ концовъ, можно даже задуматься надъ тѣмъ, гдѣ онъ болѣе знаменитъ и любимъ—у себя дома или заграницей. Достоевскій произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе и много уже можно указать литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ такихъ крупныхъ талантовъ какъ Гауптманъ, Бурже, Д'Анунціо, гдѣ вліяніе великаго патологическаго генія сказалось ярко и наглядно. Но не только великіе представители русскаго слова вліяютъ теперь на европейское творчество—европейскій литературный міръ прислушивается и къ голосу цѣлаго ряда второстепенныхъ русскихъ писателей. Въ общемъ такъ называемое *„русское вліяніе“* стало виднымъ явленіемъ европейской литературной жизни, что и повело къ знаменательнѣйшему

результату: русской литературѣ отводится мѣсто рядомъ съ литературой англійской, французской и нѣмецкой Это почетное уравненіе нашей молодой письменности съ литературой главенствующихъ народовъ цивилизованнаго міра, заматерѣлыхъ въ культурной жизни, не покажется, конечно, преувеличеніемъ всякому, кто хоть нѣсколько размышлялъ надъ первоклассным матеріаломъ, даваемымъ новою и новѣйшею русской литературой. Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій и вся плеяда такъ называемыхъ писателей 40-хъ годовъ—развѣ имъ не должно быть отведено мѣсто въ первыхъ рядахъ человѣчества?

Но, собственно говоря, слѣдуетъ придти къ еще болѣе разительнымъ выводамъ. Если брать для сравненія только новѣйшую русскую литературу, *второй половины XIX столѣтія*, то простой перечень ея корифеевъ покажетъ, что мѣсто ея нѣсколько иное. Неужели произведенія Толстого, Тургенева и Достоевскаго стоятъ только *рядомъ* съ англійской и американской литературой второй половины вѣка, кульминаціонными точками которой являются романы Джоржъ Эліотъ, Бичеръ-Стоу, разсказы Бретъ-Гарта, туманная поэзія Броунинга и Вальта Витмана? Только ли рядомъ слѣдуетъ ее помѣстить и съ тою нѣмецкою литературою послѣднихъ 50 лѣтъ, во главѣ которой стоятъ Ауэрбахъ, Фрейтагъ, Шпильгагенъ и Поль Гейзе? Наконецъ, не совсѣмъ рядомъ ей мѣсто даже съ французской литературой послѣдняго полувѣка, хотя она блистаетъ такими сильными талантами, какъ Дюма-сынъ, Флоберъ, Зола и Гюи-де-Мопассанъ. Нѣтъ, безъ всякаго національнаго бахвальства можно сказать, что по индивидуальному генію своихъ высшихъ проявленій, а главное по основнымъ теченіямъ своимъ русская литература новѣйшаго времени стоитъ безусловно выше новѣйшей западно - европейской литературы, кульминаціонный пунктъ которой—не во второй, а въ *первой половинѣ*

вѣка, въ творчествѣ Гете, Шиллера, Гейне, Байрона, Бальзака, Гюго, Жоржъ-Занда, Диккенса. Развѣ то, что такъ недавно въ Европѣ являлось послѣднимъ словомъ художественнаго прогресса—реализмъ, не господствуетъ у насъ уже около семидесяти лѣтъ? И притомъ, какой же человѣкъ съ развитымъ эстетическимъ пониманіемъ не чувствуетъ, насколько мельче многопрославленный европейскій реализмъ 70-хъ и 80-хъ гг., такъ близко граничащій съ порнографіей и отсутствіемъ идеаловъ, въ сравненіи съ реализмомъ русскихъ писателей? У русскихъ писателей жизненность изображенія въ самомъ дѣлѣ доведена до полнаго воспроизведенія дѣйствительности, и это до послѣднихъ предѣловъ реальное воспроизведеніе, все-таки, озарено свѣтомъ идеала и полно такой любви къ человѣку, о которой и помину нѣтъ даже у крупнѣйшихъ европейскихъ реалистовъ. Тѣ въ своемъ анализѣ жизни дошли до предѣла, гдѣ трезвость и правда изображенія переходятъ въ невольный апоѳеозъ грубѣйшихъ инстинктовъ животной природы человѣка. И несомнѣнно, что именно въ этомъ различіи русскаго и европейскаго реализма и лежитъ тайна огромнаго успѣха новѣйшихъ русскихъ писателей въ публикѣ и критикѣ западной Европы. Всѣ чувствуютъ, что въ застоявшійся и подернувшійся мутью потокъ европейской литературы вливается какая-то свѣжая струя, полная своеобразныхъ красокъ, составляющихъ не продуктъ гніенія и разложенія, а результатъ органической работы непочатыхъ и не истощенныхъ еще молодыхъ силъ. Вчерашніе варвары говорятъ какое-то новое слово, которому суждено и отчасти уже пришлось оказать глубокое вліяніе на блѣдное творчество послѣдняго періода европейской литературы. Оказать въ силу того, что въ этомъ новомъ словѣ, въ этомъ одухотворенномъ реализмѣ говоритъ не тоска пресыщенія и немощь старческаго истощенія, а юношески-страстный порывъ къ свѣту и правдѣ.

II.

Какъ относится высокое развитіе русской литературы къ формамъ русской общественной жизни? Литература есть отраженіе жизни, гласитъ историческая наука. У великаго народа всегда бываетъ великая литература и наоборотъ: великая литература есть продуктъ духовнаго существа великаго народа. У великаго народа, казалось бы, должны быть соотвѣтствующія формы общественной жизни.

Таковы теоретическія построенія. Такъ ли оно однако же, на практикѣ? Нужно ли много распространяться о томъ, что русская общественная жизнь находится еще въ совершенно младенческомъ состояніи? Я, конечно, всего менѣе намѣренъ отрицать, что русская общественная жизнь представляетъ собою великую потенцію. Можетъ быть величайшую изъ всѣхъ потенцій, вложенныхъ въ русскій національный геній, предназначенную удивить міръ своеобразіемъ своихъ общественныхъ построеній. Но теперь я говорю о настоящемъ и недавнемъ прошломъ, о той странной гражданственности, которая началась прямо съ учрежденія Академіи Наукъ и, продолжая развиваться въ томъ же направленіи, привела къ тому, что мы стоимъ теперь во главѣ европейскихъ народовъ по своей литературѣ и въ хвостѣ по народному образованію. Общественность же создается только участіемъ въ духовной жизни страны среднихъ и низшихъ классовъ. И вотъ почему въ настоящемъ своемъ видѣ наша общественная жизнь слишкомъ блѣдна и незначительна, что-бы выдержать сравненіе съ кипучимъ потокомъ общественной жизни западно-европейской.

Кромѣ литературы есть другія проявленія интеллектуальной жизни: наука, техника, живопись, скульптура, музыка. Въ какомъ соотношеніи находятся онѣ съ высокимъ развитіемъ русской литературы?

Безспорно успѣхи наши въ этомъ направленіи очень велики. И русское искусство, и русская наука выдвинули не одно славное въ Европѣ имя. Въ общемъ, однако, нельзя не признать, что на поприщѣ науки, пластическаго и тональнаго искусства, Россія не достигла еще той стадіи, при которой могла бы вполнѣ стать на одну доску съ наукой и искусствомъ Западной Европы. А тѣмъ болѣе претендовать на первенство. Достаточно привести въ подтвержденіе, что всякій русскій ученый, техникъ, художникъ и музыкантъ отправляется для *„усовершенствованія“* заграницу. Во всякомъ случаѣ „о русскомъ вліяніи“ въ наукѣ и искусствѣ Западной Европы пока еще никакой рѣчи не можетъ быть.

И вотъ, если сопоставить фактъ необыкновенно высокаго развитія русской литературы съ тѣмъ, что наука и искусства относительно не такъ высоко стоятъ въ Россіи, а общественная жизнь находится въ младенческомъ состояніи, то мы приходимъ къ выводу, что новѣйшая русская литература не только замѣчательное само по себѣ явленіе, но что она *самое замѣчательное* явленіе русскаго духа. Вся совокупность стихійныхъ и историческихъ условій, которая создала широкій размахъ русскаго душевнаго склада, ярче всего выразилась въ литературѣ. Въ силу своеобразнаго положенія русской интеллигенціи, вслѣдствіе малой культурности окружающей среды, принужденной замыкаться исключительно въ сферѣ интеллектуальныхъ интересовъ—въ силу этого разлада русская литература есть центральное проявленіе русскаго духа, фокусъ, въ которомъ сошлись лучшія качества русскаго ума и сердца. Ни гдѣ она не является такимъ *исключительнымъ* проявленіемъ національнаго генія, какъ у насъ. Въ жизни другихъ народовъ литература есть только частный случай общаго культурнаго состоянія страны, частное проявленіе духовныхъ силъ, которыя болѣе или менѣе

равномѣрно распредѣлены по всѣмъ отраслямъ національной жизни. У насъ этого соотвѣтствія нѣтъ, литература могущественно развивается у насъ по своимъ особымъ внутреннимъ законамъ, при полной дремотѣ общественныхъ силъ и общественной иниціативы. Было бы, конечно, смѣшно думать, что русскій національный геній имѣетъ какое-то особое предрасположеніе къ художественному творчеству и только въ немъ одномъ можетъ проявиться. Дѣло исключительно въ условіяхъ мало-культурной среды, которая одна и есть причина того, что новѣйшая русская литература стала центральнымъ проявленіемъ всѣхъ силъ русскаго духа, при другомъ уровнѣ общественной жизни нашедшихъ бы себѣ не столь исключительное примѣненіе.

III.

Такое центральное положеніе русской литературы не могло не сообщить ей особенностей, рѣзко отличающихъ ее отъ литературы другихъ европейскихъ народовъ. Главная изъ нихъ та, что *наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была каѳедрой, съ которой раздавалось учительное слово*. Всѣ крупные дѣятели нашей литературы въ той или другой формѣ отзывались на потребности времени и были художниками-проповѣдниками.

Эта знаменательнѣйшая черта съ особенной яркостью обрисовалась въ послѣднія 60 лѣтъ, но начатки ея идутъ очень далеко.

Русская литература начинается съ Кантемира и чѣмъ же былъ этотъ первый лепетъ нашего художественнаго творчества, еще не нашедшаго себѣ даже соотвѣтственнаго литературнаго выраженія, еще пользовавшагося антихудожественною фирмою прежняго монашескаго періода русскаго просвѣщенія—силлабическими виршами? Воспитанника древнихъ классиковъ, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи всѣ роды и виды

литературы, не прельстила ни безпритязательная любовная пѣснь, ни отрѣшенная отъ жизни идиллія, хотя въ переводѣ образцевъ этихъ родовъ поэзіи онъ и упражнялъ свой стихъ. Онъ прямо схватился за бичъ сатиры и является въ ней одушевленнымъ поборникомъ и пропагандистомъ петровской реформы. Такимъ же воинствующимъ публицистомъ и страстнымъ агитаторомъ усвоенія европейской культуры былъ и Ломоносовъ въ своихъ одахъ, несмотря на всю низкопоклонность ихъ. Оды Державина тоже вышли изъ невысокихъ побужденій, но настоящій талантъ никогда не можетъ остаться въ сферѣ однихъ низменныхъ побужденій, и въ общемъ оды Державина являются живою поэтическою лѣтописью своего времени и искреннимъ выраженіемъ восторговъ, возбужденныхъ блестящимъ по внѣшности царствованіемъ Екатерины. Характерно, что даже такое, казалось бы, отрѣшенное, по своей темѣ отъ условій мѣста и времени произведеніе какъ ода „Богъ", непосредственно вытекло изъ полемическаго желанія автора дать отпоръ шедшему изъ Франціи скептицизму. Творчество четвертаго крупнаго дѣятеля XVIII вѣка—Фонвизина уже всецѣло посвящено учительнымъ задачамъ глубокаго общественнаго значенія. Тѣмъ же серьезнымъ общественнымъ задачамъ посвятила себя оригинальная, полухудожественная, полу прямопублицистическая литература памфлета и картинъ нравовъ, которая приняла форму летучихъ листковъ такъ называемой „сатирической журналистики". Народившійся въ концѣ вѣка сентиментализмъ ударился въ одно приторное воспѣваніе чувства или вѣрнѣе чувствительности, но онъ не привлекъ къ себѣ ни одного крупнаго *художественнаго* дарованія (значеніе Карамзина не художественное), а наиболѣе даровитый изъ пѣвцовъ сентиментализма—Дмитріевъ выказалъ лучшія стороны своего дарованія въ сатирѣ на злобу дня—наводненіе литературы скверными одами. Въ на-

чалѣ нашего вѣка выдѣляется дѣятельность писателя, литературная карьера котораго особенно ярко подчеркиваетъ учительное значеніе русской литературы. Мы говоримъ о Жуковскомъ, поэтѣ очень симпатичнаго и изящнаго, но безусловно второстепеннаго дарованія и тѣмъ не менѣе достигшаго первостепеннаго значенія Чѣмъ же? Тѣмъ, что онъ взялъ на себя роль учителя въ буквальномъ смыслѣ слова и знакомилъ русское общество съ литературою запада въ рядѣ превосходныхъ переводовъ. А изъ оригинальныхъ произведеній Жуковскаго наибольшее впечатлѣніе произвелъ „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ"—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Сверстникъ и современникъ Жуковскаго—Батюшковъ былъ поэтъ болѣе сильнаго и оригинальнаго дарованія, чѣмъ Жуковскій, но онъ не достигъ и половины значенія и популярности послѣдняго, потому что его эпикурейская муза, воспѣвавшая наслажденіе, была чужда русскому читателю, привыкшему искать въ литературѣ не только забавы, но и правилъ жизни.

Объ учительномъ значеніи Крылова, конечно, распространяться нѣтъ надобности: оно вытекаетъ изъ самаго существа литературнаго рода, которому посвятилъ себя геніальный баснописецъ. Но не будетъ лишнимъ прибавить, что нигдѣ басня не получала такого развитія и нигдѣ она не получала такого рѣзкаго національнаго отпечатка, какъ въ русской литературѣ 18-го и 19-го вѣка. Въ то время какъ въ западно-европейскихъ литературахъ (причемъ характерно, что есть литературы, напр., англійская, совсѣмъ не имѣющая выдающихся баснописцевъ) басня привлекала къ себѣ лишь незначительное количество поэтовъ, изъ русскихъ поэтовъ 18-го вѣка нѣтъ почти ни одного, который бы не писалъ басень. Какъ всякій геній, Крыловъ есть только кульминаціонный пунктъ цѣлой эпохи процвѣтанія русской басни, замѣчательной еще тѣмъ, что она не огра-

ничивалась простымъ подражаніемъ древней баснѣ, стоящей внѣ времени и пространства и довольствующейся моралью самаго общаго и, слѣдовательно, безобиднаго свойства, и бичевала непосредственно пороки и смѣшныя стороны *своего* времени. Конечно, процвѣтаніе басни въ русской литературѣ 18-го и начала 19-го вѣка, а затѣмъ исчезновеніе ея можетъ быть объяснено и тѣмъ, что басня вообще есть младенческая форма литературы, популярная только въ начальномъ періодѣ каждой письменности. Но это объясненіе есть только объясненіе. Оно нимало не колеблетъ самаго факта, что русскій читатель всѣмъ ходомъ своей литературы пріученъ смотрѣть на нее, какъ на источникъ учительнаго слова на живыя темы современности.

Начало 20-хъ годовъ ознаменовано дѣятельностью писателя, въ лицѣ котораго художественно-учительное значеніе русской литературы едва ли не достигло высшей своей точки. За исключеніемъ комедій Аристофана, создавшихся въ литературѣ народа, у котораго совсѣмъ не было личной нравственности, а была одна только нравственность политическая и общественная, ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ драматическаго произведенія, до такой степени насквозь проникнутаго гражданскою, въ полномъ смыслѣ слова, скорбью, какъ „Горе отъ ума“. По искренности и глубинѣ негодующаго чувства и вообще по цѣльности настроенія, геніальная „комедія“ Грибоѣдова есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая проповѣдь, страстный призывъ идти по другимъ путямъ. И это тѣмъ характернѣе, что самъ авторъ отнюдь не былъ ни Катономъ, ни Аристидомъ. Значитъ силу ему дало богатое общественными настроеніями направленіе цѣлой эпохи, выразителемъ которой онъ явился. Выразителемъ той же эпохи явился и молодой Пушкинъ. Въ Александровскую эпоху Пушкинъ явился живымъ отраженіемъ безпокойнаго настроенія времени и самъ себя характеризовалъ какъ поэта,

который „свободу лишь умѣетъ славить“. Въ первыхъ романтическихъ поэмахъ своихъ онъ бросалъ страстный вызовъ всѣмъ старымъ традиціямъ, провозглашалъ свободу чувства и проповѣдывалъ презрѣніе къ условнымъ формамъ. Со второй половины 20-хъ годовъ улеглось броженіе и самаго Пушкина, и общества и поэтъ вступаетъ въ такъ называемый „объективный“ періодъ своего творчества. Но помимо того, что и это стремленіе къ объективному творчеству было отраженіемъ настроенія времени, утомленнаго возбужденіемъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра и жаждавшаго спокойствія, помимо этого косвеннаго служенія нуждамъ времени, Пушкинъ никогда не былъ въ состояніи совладать съ живою натурою своею и остаться на олимпійскихъ высотахъ безразличнаго творчества. Всеобъемлющій геній его никогда не успокаивался на чемъ-нибудь одномъ и никто точнѣе его самого не исполнялъ завѣта, который онъ далъ поэту:

. . . . . дорогою свободною иди
Куда влечетъ тебя свободный умъ.

И такъ какъ отзывчивая натура влекла его то въ одну, то въ другую сторону, то каждая изъ главныхъ литературныхъ теорій нашихъ можетъ подтвердить свои положенія ссылками на Пушкина. Да, въ минуту полемическаго раздраженія онъ дѣйствительно воскликнулъ въ „Черни“:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Но развѣ это же самое стихотвореніе не есть полное нарушеніе провозглашенныхъ въ немъ принциповъ? Вѣдь въ немъ нѣтъ ни звуковъ сладкихъ, ни молитвъ, и въ общемъ оно представляетъ собою яркій образчикъ тенденціозно-дидактическаго запрещенія идти дорогою свободною, куда влечетъ поэта его свободный отъ какихъ бы то нибыло запрещеній умъ.

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ

будто бы созданъ поэтъ. И вслѣдъ затѣмъ пишется страстный памфлетъ „Клеветникамъ Россіи“—откликъ на злобу дня въ буквальномъ смыслѣ слова—на дебаты въ одномъ изъ засѣданій французскаго парламента:

Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
Сметаютъ соръ-полезный трудъ.
Но позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Такъ иронизируетъ поэтъ, когда ему предлагаютъ быть „полезнымъ“. А черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ же жрецъ единственно изъ желанія быть полезнымъ, берется за метлу журналиста и великое дарованіе тратится на сметаніе сора, внесеннаго въ литературу Булгариными и К°.

Ты можешь, ближняго любя,
Давать намъ смѣлые уроки,
А мы послушаемъ тебя

проситъ поэта „чернь“, т. е. публика, всѣмъ ходомъ русской литературы, пріученная получать отъ нея поученіе. Но поэтъ презрительно отказывается:

Подите прочь—какое дѣло
Поэту мирному до васъ.

А въ это самое время онъ заканчивалъ „Евгенія Онѣгина“, въ которомъ жизнь „черни“ отразилась съ небывалой до того полнотою и въ которомъ въ плѣнительномъ образѣ Татьяны былъ преподанъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и волнующихъ уроковъ жизни, когда-либо преподанныхъ русской литературой. Скоро будетъ семьдесятъ лѣтъ, какъ Татьяна отвѣтила Онѣгину:

Я васъ люблю, къ чему лукавить,
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна

и этотъ отвѣтъ не перестаетъ до сихъ поръ волновать русскаго читателя и поднимать въ немъ вопросы нравственнаго порядка. Многое, очень многое въ геніальномъ романѣ перестало интересовать позднѣйшаго читателя, на многое онъ сталъ смотрѣть исключительно съ исторической точки зрѣнія, но образъ Татьяны, олицетворившей въ себѣ полную свободу отъ условности съ неумолимымъ сознаніемъ долга, навсегда врѣзался въ сердце русскаго читателя. Каждое поколѣніе имѣетъ свое отношеніе къ отвѣту Татьяны, то восторженно-положительное, то насмѣшливо-отрицательное, но во всякомъ случаѣ не безразличное. „Смѣлый урокъ" на практикѣ былъ данъ поэтомъ, теоретически отъ него отказавшимся. На практикѣ, слѣдовательно, великій поэтъ и въ эпоху своего стремленія къ игнорированію того, что не есть интересъ чисто-художественный, никакъ не могъ удержаться въ ограниченной сферѣ чисто-эстетическихъ настроеній, и тоже сталъ учителемъ жизни.

Творчество геніальнаго преемника Пушкина—Лермонтова нашло себѣ опредѣленіе въ его поэтическомъ profession de foi—„Журналистѣ, читателѣ и писателѣ". Въ чемъ источникъ его творчества?

. . . . . диктуетъ совѣсть
Перомъ сердитый водитъ умъ.

Совѣсть. Вотъ онъ тотъ девизъ, который искони былъ девизомъ лучшихъ русскихъ умовъ и которому въ послѣ—лермонтовкій періодъ суждено было отодвинуть на второй планъ всѣ остальные источники творчества. Въ творчествѣ самаго Лермонтова совѣсть принимаетъ исключительно формы негодованія и озлобленія, въ размѣрахъ, до него совершенно чуждыхъ нашей литературѣ. Имъ владѣетъ безумная жажда активнаго презрѣнія къ обществу своего времени, ему съ такою безпримѣрною рѣзкостью охарактеризовавшему въ плачѣ надъ гробомъ Пушкина „высшіе" слои этого обще-

ства, ему даже на праздникѣ хочется „смутить веселость“ и „бросить въ глаза“ пустому сборищу

. . . . . желѣзный стихъ
Облитый горечью и злостью.

Нельзя къ этому озлобленію безъ оговорокъ примѣнить эпитетъ учителя жизни. Нельзя забыть, что въ лицѣ Печорина эгоизмъ отчасти поставленъ на пьедесталъ. Но въ этомъ эгоизмѣ было столько призрѣнія къ пошлости, Печоринъ такъ ярко подчеркнулъ скуку и томленіе бездѣйствія, которое долженъ былъ испытывать чуткій человѣкъ въ жалкой дѣйствительности 30-хъ годовъ, Лермонтовъ такъ высоко поднялъ сознаніе личности, что именно съ него начинается настроеніе, рѣшившееся бросить непримиримый вызовъ косности окружающей среды. Не ласковая муза „мести и печали“, которая уже всецѣло стала звать на подвиги добра и любви къ людямъ, была непосредственной преемницей гордой и непреклонной поэтической личности Лермонтова. Изъ всѣхъ поэтовъ наибольшее вліяніе на музу Некрасова оказалъ Лермонтовъ, которому подъ конецъ его жизни уже не были скучны „пѣсни земли“, который первый въ русской поэзіи заговорилъ о „мужичкахъ“, который закончилъ свое поприще самымъ жгучимъ въ русской литературѣ выраженіемъ непреклонности воли и протеста—„Пророкомъ“. Пророкъ Лермонтова знаетъ во что обходится „гордость“, онъ не строитъ себѣ никакихъ иллюзій насчетъ успѣха стремленія глаголомъ жечь сердца людей, какъ Пушкинскій пророкъ,—сказать кстати еще одинъ доводъ въ пользу того, что странно считать Пушкина представителемъ равнодушно-объективнаго творчества. Но Лермонтовскій пророкъ, тѣмъ не менѣе, смѣло идетъ на презрѣніе и гоненія, это не удерживаетъ его провозглашать

. . . . . любви
И правды чистыя ученья.

И вотъ эти-то завершительные аккорды промелькнувшей ослѣпительнымъ метеоромъ литературной дѣятельности Лермонтова даютъ вполнѣ опредѣленное значеніе его озлобленію. Это то озлобленіе, которое, говоря словами ученика Лермонтова—Некрасова

. . . . . проповѣдуетъ любовь
Враждебнымъ словомъ отрицанья.

И люди, вдумавшіеся въ Лермонтовскую мизантропію,

Какъ много сдѣлалъ онъ поймутъ
И какъ любилъ онъ—ненавидя.

IV.

Смертью Пушкина и Лермонтова заканчивается періодъ новой русской литературы и начинается періодъ новѣйшей, который и составитъ предметъ нашихъ чтеній. Новѣйшей—потому что настроенія и идеи, народившіяся въ 40-хъ годахъ, еще не изжиты и часто еще составляютъ предметъ ожесточенныхъ схватокъ. Въ этомъ новѣйшемъ періодѣ служеніе потребностямъ жизни и взглядъ на литературу какъ на учительную каѳедру всецѣло завладѣваетъ умомъ и сердцемъ людей, стоящихъ во главѣ литературнаго движенія. Начиная съ 40-хъ гг., въ Россіи всякій писатель становится въ то же время общественнымъ вождемъ и въ основѣ главнѣйшихъ произведеній послѣднихъ 50 лѣтъ лежитъ проповѣдь тѣхъ или другихъ общественныхъ взглядовъ и воззрѣній. Всякій писатель долженъ пойти на право или на лѣво, а писатель индиферентный къ общественнымъ вопросамъ не имѣетъ ни вліянія, ни успѣха въ соотвѣтствующей его таланту степени. Когда со средины 50-хъ гг. началась эпоха великихъ реформъ, первенствующую роль играла литература. Во главѣ движенія стали не представители общественныхъ группъ, а представители литературы. Вождями новаго поколѣнія были непосредственно—публицисты и литературные критики а, въ художественномъ отраженіи—лучшіе на-

ни беллетристы и поэты. Борьба общественныхъ партій происходила почти исключительно на страницахъ журналовъ, и что самое характерное—лозунги сплошь да рядомъ съ внѣшней стороны были чисто-литературные. Вопросъ о поэтическомъ значеніи Пушкина становился существенною частью общественно-политическихъ программъ и краеугольнымъ камнемъ того или другого общественно-политическаго міросозерцанія. Вопросъ о назначеніи искусства раздѣлилъ всю литературу на два лагеря, причемъ люди, считавшіеся передовыми въ общественномъ отношеніи, стояли за служебную роль искусства, а противники поступательнаго движенія—за „чистое“ искусство.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ эпоху Бѣлинскаго русская мысль раскололась на два основныхъ русла, въ ходѣ литературы первенствующую роль получаетъ вопросъ о „направленіи“—слово прямо неизвѣстное европейской критикѣ въ томъ смыслѣ, какъ его у насъ понимаютъ. Съ тѣхъ поръ, какъ кружокъ Бѣлинскаго рѣшительно примкнулъ къ европейскимъ идеямъ 40-хъ годовъ, эти идеи проходятъ красною нитью чрезъ всѣ произведенія писателей, усвоившихъ себѣ міросозерцаніе великаго критика. Все, что составляетъ основаніе славы и значенія Тургенева, Гончарова, Григоровича, Достоевскаго и Писемскаго въ первой половинѣ ихъ дѣятельности, все что писали Щедринъ, Некрасовъ, Глѣбъ Успенскій и беллетристы 60-хъ и 70-хъ годовъ, все что пишетъ послѣдніе 20 лѣтъ Левъ Толстой, все это является передовыми позиціями весьма опредѣленнаго міросозерцанія. Съ другой стороны, писатели, группировавшіеся въ 40-хъ гг. около славянофиловъ, Погодина и Шевырева, а въ 60-хъ гг. и позднѣе около „Русскаго Вѣстника“, Достоевскій, Писемскій и Гончаровъ въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности, всѣ эти писатели съ пламеннымъ усердіемъ давали отпоръ новымъ идеямъ и тоже превращали свои произведенія въ органъ

проведенія въ сознаніе общества своего міросозерцанія. Даже тѣ изъ поклонниковъ „чистаго“ искусства, которые не пускались въ прямыя схватки, а только *намѣренно* уходили въ область абстрактнаго, намѣренно устраняли въ своихъ произведеніяхъ все, что напоминало „грязь жизни“, этимъ самымъ сообщали имъ весьма опредѣленную окраску. Благодаря такому тѣсному переплетенію художественныхъ и общественныхъ задачъ, чисто-литературныя достоинства рѣдко вліяли на оцѣнку даннаго произведенія въ критикѣ. Его оцѣнивали по преимуществу какъ факторъ прогресса или регресса. Прямо можно сказать, что литературной критики въ томъ смыслѣ, какъ ее понимаютъ на Западѣ, т. е. какъ стараніе разобрать непосредственно творческія достоинства самаго писателя, у насъ не существуетъ. А между тѣмъ всѣ наши выдающіеся критики были люди съ весьма тонкимъ эстетическимъ чутьемъ и безграничною любовью къ художественному творчеству. Литературные критики наши, начиная съ 40-хъ гг.—прямые трибуны, для которыхъ художественныя произведенія—не болѣе какъ предлогъ выяснить свои общественные идеалы. Она узаконила особый родъ критическихъ статей „по поводу“, которыя очень мало занимались эстетическою стороною произведенія и очень много общественными выводами, изъ него вытекающими. Знаменитая борьба по вопросу объ искусствѣ была только предлогомъ для выясненія, съ одной стороны, новаго общественно-политическаго міросозерцанія, а съ другой противодѣйствія ему. Статьи какъ будто трактовали о Тургеневѣ, Островскомъ, Гончаровѣ, а на самомъ дѣлѣ это были лирическіе манифесты того или другого міровоззрѣнія.

Но самымъ яркимъ проявленіемъ стремленія новѣйшей русской литературы всегда быть учительною каѳедрою, нельзя не признать взглядъ на роль печатнаго слова двухъ величайшихъ писателей, стоящихъ на про-

тивоположныхъ концахъ періода, исторію котораго мы собираемся разсказать. Въ срединѣ 40-хъ годовъ Гоголь, а въ наши дни Толстой съ глубочайшимъ воодушевленіемъ старались убѣдить своихъ современниковъ, что задачи литературы учительныя и только. И если значеніе словъ Гоголя ослабляется тѣмъ, что они вылились у него въ періодъ упадка творческихъ силъ, то зрѣлище отреченія Толстого отъ всего, что доставило ему всемірную славу, по истинѣ поразительно. Именно въ тотъ моментъ, когда весь міръ восторженно апплодируетъ ему какъ геніальному художнику, именно въ тотъ періодъ, когда напряженіе творческихъ силъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ въ созданіи „Смерти Ивана Ильича", мелкихъ разсказовъ, „Власти Тьмы" и „Крейцеровой Сонаты", именно въ этотъ моментъ великій писатель земли русской провозглашаетъ, что само по себѣ чистое искусство не только пустая, но подъ часъ и вредная забава. Здѣсь не мѣсто вступать въ споръ съ этимъ слишкомъ очевиднымъ преувеличеніемъ и увлеченіемъ. Мы здѣсь только вспомнимъ, что какъ ни значителенъ тотъ или другой индивидуальный геній, онъ всегда есть порожденіе и выраженіе взглядовъ и настроеній окружающей среды. И вотъ почему въ доведенномъ до крайности взглядѣ графа Толстого мы должны усмотрѣть органическое выраженіе общаго стремленія нашей литературы сѣять

разумное, доброе, вѣчное.

V.

Сообразно всему сказанному и исторія новѣйшей русской литературы по преимуществу сводится 1) къ исторіи смѣны идей и настроеній, волновавшихъ русское общество и 2) къ указанію взаимодѣйствія между общественною жизнью и литературою. Изслѣдователю, который захотѣлъ-бы заняться исторіей новѣйшей русской литературы только съ эстетической точки зрѣнія

было-бы очень мало дѣла, потому что за послѣднія 50 лѣтъ русская литература, какъ явленіе эстетическое, никакимъ замѣтнымъ движеніемъ не ознаменована. На Западѣ за это время смѣнился цѣлый рядъ литературныхъ стилей и кореннымъ образомъ измѣнилась техника писанія. Можно-ли себѣ представить самаго плохенькаго французскаго романиста, который сталъ-бы теперь писать въ стилѣ Жоржъ Зандъ? Цѣлая бездна лежитъ между Зола и Жоржъ Зандъ, не только въ основныхъ пріемахъ, но и въ языкѣ, въ діалогѣ, въ концентрированіи вниманія читателей и т. д. А въ наши дни манера Зола во французской литературѣ уже обветшала. Въ Германіи долго держалась манерность Ауэрбаха и Поля Гейзе, но теперь она почти исчезла и уступила мѣсто отчасти натуралистической, отчасти мистической школѣ Гауптмана, Зудермана и „Юной Германіи". Та же радикальная перемѣна произошла въ Италіи и Скандинавіи. Такимъ образомъ въ Европѣ произошла рѣзко-выраженная эстетическая эволюція, произошла дѣйствительно полная смѣна поколѣній. Но въ Россіи, гдѣ идетъ безпрерывная эволюція *идей*, литературныя формы почти неподвижны. Беллетристическая и поэтическая манера, установившаяся въ 40-хъ гг. ни въ чемъ существенномъ не измѣнилась. Между Тургеневымъ и его литературнымъ внукомъ Гаршинымъ разницы въ стилѣ нѣтъ, нѣтъ ея и между Некрасовымъ и Надсономъ. Когда Гюго было 70 лѣтъ, ему поклонялась вся Франція, но никто ему не подражалъ. Толстому теперь тоже 70 лѣтъ и онъ не только представляетъ собою самую животрепещущую современность, но всякому ясно, что онъ еще долгіе годы будетъ законодателемъ формы русскаго романа Единственная литературная область, гдѣ за послѣднія 50 лѣтъ замѣчается значительное измѣненіе литературныхъ пріемовъ—это беллетристика изъ народной жизни. Колоритность языка, близость къ землѣ Глѣба Успен-

скаго, конечно, представляетъ собою значительный шагъ впередъ по сравненію не только съ „пейзанами“ Григоровича, но и съ крестьянами Тургенева, теперь уже кажущимися намъ условными и недостаточно-жизненными. Но тутъ собственно нѣтъ измѣненія литературной формы, а просто въ 40-хъ гг. народъ не былъ достаточно изученъ. Что тутъ дѣло именно въ этомъ недостаточномъ изученіи—лучшее доказательство Толстой, человѣкъ почти сороковыхъ годовъ. Отвлекаясь отъ степени таланта и литературнаго значенія, развѣ мужики „Власти Тьмы“ менѣе колоритны и близки въ дѣйствительности, чѣмъ мужики Глѣба Успенскаго? Что касается изображенія купцовъ и мѣщанъ, то они, конечно, въ наши дни колоритнѣе, чѣмъ въ 40-хъ гг. Но родоначальникомъ этой колоритности является человѣкъ конца сороковыхъ годовъ—Островскій. Если типы Островскаго отчасти устарѣли подъ дружнымъ напоромъ нашихъ культурныхъ успѣховъ, то литературная манера Островскаго, его удивительный языкъ и его яркая бытовая окраска столь-же свѣжи теперь, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

И такъ, повторяемъ еще разъ, исторія новѣйшей русской литературы не можетъ ограничиться одною эстетическою сферою. Она должна быть исторіей идей и взаимодѣйствія русской литературы и русской общественности. Можно разно къ этому относиться, можно возмущаться этимъ взаимодѣйствіемъ съ точки зрѣнія „чистаго“ искусства или можно, напротивъ того, восторгаться такою близостью искусства къ потребностямъ времени. Но *понять* ходъ новѣйшей русской литературы можно только путемъ параллельнаго ознакомленія съ русскою общественностью.

Изученіе новѣйшей русской литературы требуетъ обстоятельнаго знанія событій общественной исторіи нашей, съ которою она органически-тѣсно переплетена. Въ эпоху „реформенной Россіи“ литература и жизнь

до такой степени сближаются другъ съ другомъ, что сплошь да рядомъ при анализѣ того или другого общественнаго явленія нельзя отличить, гдѣ кончается литературный генезисъ его и гдѣ начинается непосредственное дѣйствіе общественныхъ силъ. И наоборотъ—при изученіи того или другого факта литературной исторіи не знаешь, гдѣ кончается общественное воздѣйствіе и гдѣ начинается сфера чисто-литературнаго творчества.

Можно насчитать цѣлый рядъ произведеній, отражающихъ не просто интересы „времени", а прямо интересы того или другого *года*. Что-бы понять, напр., общій тонъ вышедшаго въ 1860 г. Тургеневскаго „Наканунѣ" нужно быть хорошо знакомымъ съ тѣмъ радостно-выжидательнымъ настроеніемъ, которое охватило русское общество подъ вліяніемъ реформаціонныхъ стремленій новаго царствованія. Но для оцѣнки „Отцовъ и Дѣтей", которыхъ отдѣляетъ отъ „Наканунѣ" всего три-два года, уже этого недостаточно. За ничтожный промежутокъ двухъ лѣтъ успѣло выясниться новое общественное теченіе, безъ подробнаго знакомства съ которымъ мы будемъ безсильны понять смыслъ романа. Чрезъ пять лѣтъ послѣ „Отцовъ и Дѣтей" появляется „Дымъ" и опять нужны новыя свѣдѣнія объ измѣненіяхъ общественно-политической атмосферы, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе этихъ пяти лѣтъ. Наконецъ, для пониманія „Нови" требуются уже совсѣмъ новыя свѣдѣнія о явленіяхъ, зачатки которыхъ не идутъ дальше начала семидесятыхъ годовъ.

Мы нарочно взяли для иллюстраціи нашей мысли Тургенева, писателя, высокая художественность котораго составляетъ предметъ восторженнаго удивленія. И именно этотъ-то тонкій художникъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою образецъ самаго тѣснаго взаимодѣйствія литературы и общественной жизни, именно онъ тонко и чутко „ловилъ", говоря терминомъ рус-

ской критики, „моментъ“. „Ловить моментъ“—это второй терминъ, наравнѣ со словомъ „направленіе“ почти неизвѣстный европейской критикѣ. Выше этой похвалы нѣтъ для русскаго писателя, къ какой-бы онъ школѣ или направленію ни принадлежалъ. Правда „моменты“ понимаются весьма различно. Одинъ усматриваетъ его въ торжествѣ реализма, а другой въ это-же время рисуетъ торжество идеализма, одинъ провозглашаетъ побѣду позитивизма, а другой стремится показать, что наступилъ моментъ торжества метафизическихъ стремленій. Но все это уже дѣло пониманія и таланта, а не различія метода. Характеристичнымъ остается тотъ фактъ, что никто не довольствуется простымъ воспроизведеніемъ, а всякій стремится къ воспроизведенію непремѣнно тѣхъ явленій, въ которыхъ онъ усматриваетъ геній времени и что каждому хочется воздѣйствовать на общественное сознаніе въ пользу того міропониманія, къ которому онъ примкнулъ.

VI.

Идейно-проповѣднический характеръ новѣйшей русской литературы неизбѣжно ведетъ къ тому, что въ исторіи ея совсѣмъ особое мѣсто должна занимать исторія теоретической русской мысли. Теоретическая мысль давала лозунги, а проводникомъ ихъ явилось художественное творчество, которое само по себѣ можетъ быть только *органомъ* проведенія извѣстныхъ идей, но никакъ не источникомъ ихъ. Не дай Богъ, если-бы русская художественная литература занялась-бы *выработкой* того или другого міровоззрѣнія. Это привело бы къ сухому дидактизму и было-бы уже не идейностью, а тою *тенденціозностью*, въ которую впали нѣкоторые второстепенные писатели 60-хъ и 70-хъ гг., не совладавшіе, по бѣдности своего художественнаго дарованія, съ истинными задачами идейнаго творчества. Нѣтъ, сила новѣйшей русской литературы въ ея крупныхъ пред-

ставителяхъ именно въ томъ, что въ ней идейность не есть абстрактное теоретизированіе, а вполнѣ художественное *претвореніе*. Если мы обратимся къ исторіи творчества важнѣйшихъ представителей русскаго слова новѣйшаго времени, то мы увидимъ, что ходъ ея былъ таковъ. Писатель, какъ сынъ своего времени, напитывался идеями, которыя носились въ воздухѣ, были предметомъ жаркихъ споровъ въ кружкахъ, обсуждались въ журналахъ, а въ сороковыхъ годахъ составляли предметъ обширнѣйшей переписки между друзьями. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ сила этого усвоенія идей времени была очень велика, переходила въ прямой энтузіазмъ и сообщала необыкновенную глубину и твердость убѣжденія. Данная идея *органически* проникала все существо писателя, становилась собственностью его духа, приходила на помощь его духовному взору и какъ бы давала ему двойное зрѣніе. Но ставъ второю натурою, идея могла выразиться только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ всегда выражаются глубокія настроенія всякой художественной организаціи,—въ художественныхъ образахъ. Такъ, молодой Тургеневъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія кружка Бѣлинскаго, выработалъ себѣ весьма опредѣленное міросозерцаніе и въ частности далъ Аннибаловскую клятву бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Когда онъ ее давалъ, онъ еще совершенно не установился какъ писатель и самый размѣръ его таланта не былъ еще ясенъ даже такому прозорливому цѣнителю, какъ Бѣлинскій. Но убѣжденія его получили весьма опредѣленную окраску, вошли въ его плоть и кровь, онъ горѣлъ желаніемъ воплотить ихъ. Поэтому, когда дарованіе его установилось, онъ сталъ не только великимъ художникомъ, но и выдающимся борцомъ за свое міровоззрѣніе. Тотъ же процессъ органическаго претворенія теоретическихъ настроеній можно прослѣдить въ исторіи творчества всѣхъ выдающихся новыхъ писателей нашихъ.

Такъ, изъ идейнаго броженія, перешедшаго къ намъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ изъ Франціи, вышелъ Достоевскій, Щедринъ и Некрасовъ. Съ другой стороны, въ кружкѣ такъ называемой „молодой редакціи Москвитянина", съ его мистическою любовью къ русскому быту, получило окраску дарованіе Островскаго. Даже уравновѣшенный „фламандецъ" Гончаровъ въ своей авторской исповѣди сообщилъ, что въ „Обыкновенной Исторіи" старался отразить „первое мерцаніе сознанія необходимости труда, настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, въ борьбѣ со всероссійскимъ застоемъ". Итакъ, не просто изображалъ, а „задавался цѣлью" сослужить службу обществу. Еще ярче это „задаванье цѣлью" въ „Обломовѣ" и „Обрывѣ". Нечего уже и говорить, насколько „задаванье цѣлью" было сильно въ литературномъ поколѣніи 60-хъ и 70-хъ годовъ, меньше одаренномъ художественнымъ талантомъ и потому еще нагляднѣе подчинявшемся разнымъ теоретическимъ вѣяніямъ.

И вотъ, въ виду рѣшающаго значенія, которое имѣетъ у насъ теоретическая мысль, какъ указательница путей, по которымъ покорно шло художественное творчество, мнѣ и кажется, что періоды исторіи новѣйшей русской литературы должны быть установлены соотвѣственно кругу общественно-этическихъ идей, въ данные годы получившихъ господство. Неправильно было бы дѣлить исторію новѣйшей русской литературы по именамъ ея наиболѣе выдающихся художественныхъ дѣятелей. Если мы дѣлимъ литературу прежняго времени на періоды Ломоносовскій, Державинскій, Пушкинскій, то это вполнѣ правильно. Ломоносовъ, Державинъ и Пушкинъ держали въ свое время скипетръ литературы, правили безраздѣльно литературнымъ движеніемъ и сообщали ему окраску, которая исходила только изъ ихъ произведеній. Но какъ и какіе годы мы назовемъ Тургеневскими, когда не онъ создавалъ настроенія чи-

тающей публики, а имѣлъ успѣхъ потому, что отражалъ „моментъ“, т. е. попадалъ въ это настроеніе, подготовленное теоретическою мыслью. Какъ только онъ не попалъ въ настроеніе, значительнѣйшая и наиболѣе вліятельная часть публики отъ него отвернулась. Какой-же это вождь? И другіе сверстники Тургенева точно также никогда не создавали настроеній, а только подчинялись имъ и выражали ихъ. Ужъ на что славенъ и великъ въ наши дни Толстой. И все-таки назвать его именемъ какъ *художника* какой бы то ни было періодъ нѣтъ возможности. Толстой—мыслитель, конечно, одинъ изъ властителей думъ нашего времени, но въ годы созданія величайшаго художественнаго произведенія своего—„Войны и мира“, онъ былъ не болѣе, какъ предметомъ очень холоднаго любопытства, а въ годы появленія „Анны Карениной“ прямо подвергался высмѣиванію, потому что и критика и публика совершенно проглядѣли внутренній смыслъ романа и усмотрѣли въ немъ апоѳеозъ великосвѣтскихъ амуровъ. Легендарная популярность Толстого начинается только съ тѣхъ поръ, какъ онъ выступилъ самъ какъ теоретикъ и воплотилъ въ своихъ тревожныхъ исканіяхъ больную совѣсть вѣка.

Также какъ нельзя установить періоды исторіи новѣйшей русской литературы по именамъ крупнѣйшихъ художественныхъ представителей ея, нельзя дѣлить ее и по литературнымъ стилямъ. Если мы дѣлимъ нашу литературу 18-го и начала 19-го вѣка на эпоху классицизма или, какъ ее почему-то принято называть у насъ, ложноклассицизма, на эпоху сентиментализма, романтизма и т. д., то это вполнѣ правильно. Въ эпоху господства каждаго изъ этихъ стилей, все содержаніе современной литературы только ими и опредѣлялось. Опредѣлялось или торжествомъ даннаго стиля или борьбою съ предъидущимъ и послѣдующимъ и, слѣдовательно, представляло собою движеніе. Но въ исторіи новѣйшей русской

литературы, какъ мы уже говорили, движенія чисто-литературнаго, смѣны литературнаго стиля нѣтъ вотъ уже 60 лѣтъ. Съ 40-хъ гг. безраздѣльно установился реализмъ того типа, о которомъ я говорилъ въ началѣ своей лекціи. Дальнѣйшей эволюціи не замѣчается, если не считать того, что нѣсколько невліятельныхъ, второстепенныхъ, а главное неискреннихъ дарованій увлеклось французскимъ символизмомъ. Литературныя традиціи великой плеяды писателей 40-хъ гг. и понынѣ являются законодательными для русскаго литературнаго вкуса.

Итакъ, ни по именамъ ея выдающихся художественныхъ силъ, ни по чисто-литературнымъ направленіямъ исторію новѣйшей литературы нашу дѣлить нельзя, потому что такое дѣленіе не даетъ характерныхъ признаковъ. Единственнымъ, дѣйствительно, характеристичнымъ дѣленіемъ, т. е. такимъ, которое уже въ одномъ названіи носитъ свое опредѣленіе и даетъ представленіе объ основныхъ чертахъ эпохи—это только дѣленіе по кругу идей, въ данный періодъ завладѣвшихъ умами и по именамъ представителей теоретической мысли. Если вы скажете,—это было въ эпоху русскаго гегеліанства, въ эпоху реформъ, въ эпоху вульгарно называемую эпохою „нигилизма", въ эпоху писаревщины, въ эпоху народничества, марксизма и т. д., то представленіе получается яркое и опредѣленное, обнимающее весь комплексъ какъ общественныхъ, такъ и литературныхъ явленій извѣстнаго періода.

VII.

Эпоха, которою начинается исторія новѣйшей литературы, т. е. конецъ тридцатыхъ и сороковые годы нашла наиболѣе яркое выраженіе въ дѣятельности Бѣлинскаго. *Его именемъ* можно назвать эпоху, потому что *онъ*, дѣйствительно, далъ ей свою окраску. Бѣлинскій, конечно, краеугольный камень всей вообще новой русской литературной мысли. Бѣлинскій первоисточникъ всего великаго, хорошаго, эстетически-вѣрнаго и этически-правильнаго, что было въ русской литературѣ

послѣднихъ 60 лѣтъ. Но понятно, что всего ярче должно было сказаться вліяніе его въ годы его непосредственнаго воздѣйствія.

Критика Бѣлинскаго была средоточіемъ русской мысли своего времени, энциклопедіей русскаго ума и чувства. Она захватывала все, что интересовало лучшихъ людей эпохи, она старалась, на сколько было возможно, отвѣчать на всѣ проклятые вопросы, которые возникали въ душѣ чуткаго человѣка. Вытекая изъ пламеннѣйшаго стремленія передать читателю выношенные путемъ истиннаго страданія идеалы, статьи Бѣлинскаго, его „обзоры“ всегда имѣли въ своей основѣ ту руководящую идею, которая была нервомъ времени. Оттого они прокладывали новые пути въ литературѣ и создавали школу.

Правда, кругъ идей, въ защиту которыхъ выступалъ Бѣлинскій, далеко не однороденъ. Дѣятельность его представляетъ собою смѣну двухъ, порою діаметрально-противоположныхъ, настроеній. Не по существу раздвоенія тутъ никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что передъ нами родовыя муки, болѣзненный процессъ выработки новой русской мысли. Въ послѣдующія эпохи, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, вожди поколѣнія не переживали никакихъ „фазисовъ“, не терзались никакими сомнѣніями и дѣятельность ихъ однородна на всемъ своемъ протяженіи. Это потому, что отправная точка была найдена въ эпоху Бѣлинскаго и можно было, не сбиваясь, идти впередъ по пути, уже твердо и опредѣленно намѣченному. Бѣлинскому же пришлось пробираться ощупью сквозь предразсвѣтную мглу и если онъ при этомъ бросался на болотный огонекъ, принималъ его за путеводную звѣзду и попадалъ въ трясину, то тутъ только фактическая ошибка и нѣтъ никакого измѣненія въ самомъ главномъ—въ источникахъ исканія. По отношенію къ нимъ Бѣлинскій никакихъ „фазисовъ“ не переживалъ, всегда оставался все тѣмъ же беззавѣтнымъ искателемъ истинныхъ задачъ человѣческаго существованія. И въ

сущности значеніе Бѣлинскаго и ослѣпительная красота его духовной личности не столько въ идеяхъ и взглядахъ его, какъ они ни вѣрны и глубоки сами по себѣ, сколько именно въ его мучительныхъ поискахъ за истиной. Мы увидимъ дальше, что самое содержаніе идей Бѣлинскаго далеко не ему одному принадлежитъ. Оно выработано совмѣстными усиліями цѣлаго кружка, въ которомъ Бѣлинскому очень часто принадлежала только роль выразителя. Но это ни мало не умаляетъ его значенія, потому что заслуга всякаго генія обыкновенно въ томъ и заключается, что онъ ярко завершаетъ цѣлый рядъ подготовительныхъ, неяркихъ попытокъ. Главная заслуга Бѣлинскаго не въ томъ, что онъ лично додумался до всѣхъ идей, имъ высказанныхъ, а въ томъ, что онъ провелъ ихъ сквозь горнило сожигавшаго его внутренняго пламени и сообщилъ имъ отпечатокъ своей идеально-прекрасной личности.

Непреходящее вліяніе статей Бѣлинскаго зиждется на томъ, что въ нихъ слышно біеніе сердца, безспорно самаго благороднаго, когда-либо бившагося въ русской груди, что въ нихъ сказалась никѣмъ другимъ не достигнутая высота настроенія, сила и глубина чувства. Великій праведникъ литературы русской, рыцарь безъ страха и упрека, на свѣтлой памяти котораго нѣтъ ни единаго самомалѣйшаго пятнышка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ страстотерпцемъ новой русской мысли. Онъ глубоко выстрадалъ свои убѣжденія и, въ полномъ смыслѣ слова, писалъ лучшею кровью своего сердца. Основная задача историка эпохи Бѣлинскаго ознакомить читателя съ этой борьбой за правду и показать, какъ на основѣ завѣтовъ Бѣлинскаго создалась новѣйшая русская литература, это удивительное сочетаніе художественной красоты и нравственной силы, широкаго размаха и тоски по идеалу.

Л. З. Слонимскій.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ КАРЛА МАРКСА.

(Das Kapital. Kritik der politischen Oekonomie, B. I—III, 1867—1894).

Изложеніе и критическій разборъ. Въ приложеніи: письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи

Спб. 1898.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

М. М. Стасюлевича, В. О. 5-я линія 28.

Сочиненія, изданія и переводы С. А. Венгерова:

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1877. Ц. 2 руб.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Критико-біографическій этюдъ. Спб. 1884. Ц. 1 руб.

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи (Englische Verfassungsgeschichte). Перев. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова.* М. 1885. Ц. 4 руб. 50 коп.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вышло 5 томовъ. Спб. 1886—97. Цѣна вышедшихъ 5-ти томовъ 15 руб., съ перес. 17 руб.

Русская Поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ. Съ критико-біографическими статьями, библіограф. примѣчаніями и портретами. Томъ I (выпуски 1—6). XVIII вѣкъ. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Пер. по разстоянію.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція *С. А. Венгерова.* Изданіе *Г. В. Юдина.* Спб. 1896—1898. Вышло три тома. (А—Вавиловъ). Цѣна каждаго тома 3 р. 50 к. съ перес. 4 руб.

Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Вступительная лекція, читанная въ Спб. университетѣ 24 сент. 1897. Спб. 1899. Цѣна 20 коп.

Указанныя книги можно выписывать чрезъ книжный складъ М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 5 линія № 28.

Цѣна 20 коп.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE DEC 3 '47

APR - 9 '58 H

JUL 7 '58 H

MAY 1 2 1963 PR

STALL STUDY

CHARGE

WIDENER

JUL 1 4 1988

JUL 1 8 1988